

УДК 801.73

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-48-58

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ 'СТРАХ' В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Ружицкий И. В.^{1,2}, Ма Цзинян²

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация;

²Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Реконструировать фрагмент текстового семантического поля 'страх' в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», косвенно отражающего некоторые особенности авторской языковой личности.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Основным методом достижения поставленной цели служит многопараметровый словарь языка писателя, в котором представлен расширенный лингвистический комментарий, позволяющий построить текстовое ассоциативное поле, формируемое идиоглоссой – входом словарной статьи. Кроме того, в работе используется специально разработанная процедура выявления текстовых ассоциаций.

Результаты. По итогам исследования решена задача реконструкции фрагмента семантического поля 'страх', косвенно отражающего некоторые особенности авторской языковой личности, определены перспективы исследования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Результаты исследования вносят вклад в развитие концепции языковой личности, теории семантического поля, а также писательской лексикографии.

Ключевые слова: идиоглосса, идиоглоссарий, тезаурус, текстовое семантическое поле, языковая личность

SEMANTIC FIELD 'FEAR' IN THE NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT" BY FYODOR DOSTOEVSKY

I. Ruzhitsky^{1,2}, Tzinyan Ma²

¹Lomonosov Moscow State University
GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

²Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this article is to attempt to reconstruct a fragment of the textual semantic field 'fear' in Fyodor M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment», which indirectly reflects some features of the author's lingual identity.

Methodology. The main method of achieving this goal is a multi-parameter dictionary of the writer's language, which provides an extended linguistic commentary that allows to build the textual associative field formed by the idioglossa – dictionary entry input. In addition, the paper uses a specially developed procedure for identifying textual associations.

Results. In the course of the work the task of reconstructing the fragment of the semantic field 'fear', which indirectly reflects some features of the author's lingual identity, was solved, and the prospects for research were determined.

Research implications. The results of the research contribute to the development of the lingual identity concept, the semantic field theory as well as the writer's lexicography.

Keywords: lingual identity, idioglossary, idioglossa, thesaurus, text semantic field

Введение

Одной из наиболее очевидных характерных черт языкознания XX в., а также современной лингвистики является, пожалуй, тенденция к укрупнению объектов изучения, которая нашла своё отражение, например, в создании теории семантического поля, а в конце XX столетия – концепции языковой личности Ю. Н. Караулова, давшей возможность учёным, не только теоретикам, но и методистам, преподавателям языка, как русского, так и иностранного, интегрировать накопленный материал, соотносить стремящиеся к бесконечности атомарные факты языковой системы и, кроме того, подойти к этим фактам с учётом возможностей их междисциплинарного исследования. В конце прошлого века наблюдалось некоторое перепроизводство глобальных идей, всякого рода концепций, не нашедших какой-либо практической реализации: «Современное состояние науки о языке характеризуется парадоксальным фактом: сегодня написать теоретическую работу, выдвинуть новые идеи, даже создать целую новую теорию легче (заметим ещё – и престижнее), чем внедрить уже имеющиеся идеи, воплотить готовые теории. Можно даже сказать, что в языкознании сегодня наблюдается перепроизводство идей... Авторы учат, как надо делать, но не делают сами, поэтому результата как такового не бывает, новая вещь в итоге такого исследования не получается, создаётся лишь... «информационный шум»» [6, с. 27–28]. Не берёмся судить о том, насколько кардинальными стали изменения, произошедшие в науке за 40 лет с момента написания «Лингвистического конструирования и тезауруса литературного языка», но подчас создаётся ощущение, что даже сколь-нибудь значимых лингвистических концепций не стало появляться. Более того, можно наблюдать своего рода обратную тенденцию: выска-

занные ранее идеи начинают дробиться, или интерпретироваться, или превращаться в штампы. Так происходит с самим термином «языковая личность»: абсолютно неоправданно, на наш взгляд, расширяется соответствующая терминологическая парадигма («коммуникативная личность», «речевая личность», «вторичная языковая личность», «орфографическая личность» и т. д.). Термином «языковая личность» иногда подменяются уже давно известные понятия – «личностно-ориентированное обучение» и др. Количество научных трудов, посвящённых исследованию разных языковых личностей, как конкретных, индивидуальных, так и групповых, коллективных, скоро превысит количество трудов, посвящённых, например, изучению видов русского глагола, так называемых концептов и т. п.; тем самым возникает опасность бесконечного роста перечня однородных по сути объектов исследования. Мы во все не хотим сказать, что эти исследования не имеют никакого права на существование, но всего лишь делаем попытку охарактеризовать некоторые процессы, происходящие в современном языкознании. «Информационный шум», о котором писал Ю. Н. Караулов, едва ли за прошедшие десятилетия стал слабее, он просто приобрёл иной характер: так, если раньше было множество нереализованных на практике концепций словарей, то сейчас – бесконечное число лексикографических изданий, не обоснованных какой-либо идеей. Чтобы не происходило такого часто неоправданного расширения объектов исследования, необходимо, как нам представляется, интегрирование уже полученных результатов, поиск новых идей, развивающих концепцию языковой личности и позволяющих перейти к качественному изучению новых объектов. И, если уж ставить целью изучение языковой личности, то в качестве объекта должна выступать либо национальная

языковая личность, прежде всего русская, либо значимая, оказавшая определённое влияние на национальную. Отметим, что под термином «языковая личность», далеко не однозначным, мы будем понимать любого носителя языка, охарактеризованного «на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [7, с. 671], т. е. личность, реконструированную в своих основных чертах на базе употребляемых ею языковых средств [14, с. 19].

С момента появления концепции языковой личности возник вопрос о методах её реконструкции, главными из которых стали психолингвистический, ассоциативный, эксперимент (отсюда и ассоциативно-вербальная сеть в структуре языковой личности) и анализ речи персонажа литературного произведения. У Ю. Н. Караулова были и другие идеи относительно возможностей изучения конкретной языковой личности, например, идея анализа «дискурса одного дня», которая, к сожалению, по различным причинам не была реализована. Методом реконструкции языковой личности может явиться и создание многопараметрового словаря языка писателя; обоснование этого метода даётся нами в [15]. Такой способ сочетает в себе элементы первых двух: ассоциативное поле – как аналог текстового ассоциативного поля, а языковая личность Достоевского – как совокупность всех текстов писателя, представленных в полном собрании его сочинений. Т. е. языковая личность персонажей рассматривается как отражение авторской языковой личности, что, на наш взгляд, применительно к Достоевскому вполне оправданно.

Таким образом, в качестве объекта изучения в данной статье выбрана языковая личность Ф. М. Достоевского, предметом служит семантическое поле 'страх' в романе «Преступление и наказание». В задачи статьи входит реконструкция фрагмента

данного семантического поля на материале конкретного текста, при этом используется специально разработанная методика выявления текстовых ассоциативных связей (см. [11; 12]).

Нельзя сказать, что концепт 'страх' (слово «концепт» мы употребляем как синоним слова «понятие», не вкладывая какие-либо дополнительные «когнитивные» или «лингвокультурологические» смыслы), вне всякого сомнения, являющийся одним из ключевых в тезаурусе Достоевского, вообще не привлекал внимания исследователей. В связи с этим следует упомянуть работы А. В. Варзина (см. [1; 2]), посвящённые изучению данного концепта и соответствующего ассоциативного поля. Отметим, что автор этих работ во многом ориентировался на концепцию и материалы Словаря языка Достоевского (далее – СЯД), частично отражённые в [8]. На момент написания работ А. В. Варзина, однако, словарные статьи для ключевых лексем, входящих в семантическое поле 'страх', ещё не были составлены. Сейчас большинство этих словарных статей или вошли в изданные тома Идиоглоссария Достоевского (см.: [17]), или, как, например, словарная статья «страх», находится в печати¹.

Статистический анализ идиоглосс, входящих в семантическое поле 'страх' (на материале текста романа «Преступление и наказание»)

Репрезентанты концепта 'страх' – *страх, страшный, страшно, страшить, страшиться, бояться, боязнь, испугаться, испуг, пугать, беспокойство, дрожать, дрожь, опасение, робость, робкий, сконфузиться, смущение, смутиться, струсить, тревога, трусость, ужас, ужасный, ужасно* и некоторые другие в лексиконе Достоевского приобретают статус идиоглосс, т. е. описываются в СЯД. Идиоглосса является ключевым параметром СЯД, это

¹ Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. V (По–С) / М. М. Коробова, И. В. Ружицкий, С. Н. Шепелева и др.; под ред. Ю. Н. Караулова; науч. ред. И. В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2021 (в печати).

«концептуальные образования, из которых складывается картина мира, и одновременно – единицы, вбирающие в себя специфику авторского стиля» [10, с. 655–656]. «...Они представляют собой тезаурусообразующие понятия, являясь элементами субъективного авторского образа мира, авторского мировидения; по отношению к тексту они выполняют роль ключевых слов, набор которых позволяет воспроизводить в свёрнутом виде содержание конкретного текста; в силу повторяемости, сквозного характера они являются единицами индивидуального авторского лексикона, однозначным и неповторимым образом характеризуют его идиолект. Способ их существования и поведения в тексте определяется тем, что идиоглоссы образуют в пространстве текста точки концентрации смысла, своеобразные центры, вокруг которых формируются специфические текстовые ассоциативные поля. Каждая идиоглосса в тексте существует, будучи погружённой определённым образом в ориентированное ассоциативное пространство» [9, с. XXXVI]. Представляется также возможность иерархизации идиоглосс, выделения среди них опорных, ключевых лексем – идеоглосс [3, с. 325]. Очевидно, например, что идиоглоссы *вдруг* или *давеча* во многих отношениях отличаются от идиоглосс *время* или *вечность*. Первые более индивидуальны, вторые – концептуальны. По всей видимости, существует возможность классифицировать идиоглоссы в соответствии со степенью их концептуальной значимости.

Идиоглоссы и идеоглоссы входят в следующую терминологическую парадигму: ключевое слово, опорное слово, ударное слово, лейтмотивное слово, концептуальное слово, тематичное слово, идиолектема [13, с. 10] и др., не являясь, однако, равнозначными данным терминам понятиями. Процедура выявления у слова его идиоглоссного статуса оформлена нами в [14, с. 45]. Среди шагов этой процедуры частота употребления слова, при всей её несомненной значимости, принимается как важный, но факультативный параметр: в текстах

Достоевского встречаются низкочастотные лексеммы, которые, тем не менее, являются идиоглоссами: *маска*, *зонтик*, *всечеловеческий*, *всечеловек*, *общечеловек* и др.

Есть все основания полагать, что идиоглоссы *страх*, *страшный* и *страшно* в тезаурусе Достоевского приобретают статус идеоглосс. Именно на этих лексемах мы и сосредоточим своё внимание в данной статье, хотя, безусловно, другие идиоглоссы, которые входят в семантическое поле ‘страх’, в тексте романа «Преступление и наказание» также занимают важное место. Причём не только в силу относительно высокой частоты употребления (например: *бояться* – 90 раз, *ужас* – 44 раза, *ужасный* – 42 раза, *ужасно* – 73 раза, *тревога* – 21 раз, *беспокойство* – 20 раз, *дрожать* вместе с приставочными дериватами – 76 раз, *дрожь* – 10 раз, *тревожиться* – 23 раза, *тревога* – 21 раз, *испуг* – 32 раза, *испугаться* – 29 раз, *испуганно* – 7 раз, *пугать* – 11 раз, *пугаться* – 2 раза, *опасность* – 9 раз, *опасаться* – 5 раз, *робкий* – 16 раз, *робко* – 21 раз, *робость* – 2 раза, *смущение* – 15 раз, *смутиться* – 11 раз, *смущать* и *смущаться* – 11 раз, *опасный* – 4 раза, *опасение* – 3 раза, *боязнь* – 3 раза, *трусость* – 1 раз)¹, но и ввиду своей функциональной значимости. Даже этот далеко не полный анализ статистических данных показывает большую насыщенность текста романа «Преступление и наказание» лексемами, входящими в семантическое поле ‘страх’.

Важнее, однако, не эти статистические показатели – общее количество употреблений, но, как это часто бывает в произведениях Достоевского, насыщенность узкого контекста лексемами одного се-

¹ Приводится общая частота употребления данных лексем в романе «Преступление и наказание», без учёта дифференциации по значениям, которые, как, например, в случае с *ужасный* и *ужасно*, часто совмещаются, т. е. *ужасный* и *ужасно* в значениях ‘очень страшный’ и ‘очень сильный’ и, соответственно, ‘очень страшно’ и ‘очень сильно’: «Это [Катерина Ивановна] была *ужасно* [здесь и далее в цитатах из произведений Достоевского курсив наш] похудевшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, ещё с прекрасными темно-русскими волосами и действительно с раскрасневшимися до пятен щеками».

мантического поля или одной лексико-семантической группы. Так, исследователи вряд ли заинтересовались бы словом *вдруг* у Достоевского, если бы не было семантических и др. повторов такого типа: «Он [Раскольников] вошёл к себе, как приговорённый к смерти. Ни о чём он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим *вдруг* почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что всё *вдруг* решено окончательно. Конечно, если бы даже целые годы приходилось ему ждать удобного случая, то и тогда, имея замысел, нельзя было рассчитывать, наверное, на более очевидный шаг к успеху этого замысла, как тот, который представлялся *вдруг* сейчас»; «Он узнал, он *вдруг, внезапно и совершенно неожиданно* узнал, что завтра, ровно в семь часов вечера, Лизаветы, старухиной сестры и единственной её сожительницы, дома ...». Сказанное относится и к употреблению большинства репрезентантов единиц семантического поля 'страх': «– Представь себе, скоропостижно [о смерти Марфы Петровны]! – заторопилась Пульхерия Александровна, ободрённая его [Раскольникова] любопытством, – и как раз в то самое время, как я тебе письмо тогда отравила, в тот самый даже день! Вообрази, этот *ужасный* человек [Свидригайлов], кажется, и был причиной её смерти. Говорят, он её *ужасно* избил! | – Разве они так жили? – спросил он, обращаясь к сестре. | – Нет, напротив даже. С ней он всегда был очень терпелив, даже вежлив. Во многих случаях даже слишком был снисходителен к её характеру, целые семь лет... Как-то вдруг потерял терпение. | – Стало быть, он вовсе не так *ужасен*, коли семь лет крепился? Ты, Дуничка, кажется, его оправдываешь? | – Нет, нет, это *ужасный* человек! *Ужаснее* я ничего и представить не могу, – чуть не с *сдроганием* ответила Дуня, нахмурила брови и задумалась».

Естественно, что ещё большей силой такого рода притяжения, «нанизывания» семантических ассоциатов обладают идеоглоссы и идиоглоссы, входящие в центр семантического поля, – *страх, страшный, страши-*

но, бояться, испуг: «Порой овладевала им [Раскольниковым] болезненно-мучительная *тревога*, перерождавшаяся даже в панический *страх*. Но он помнил тоже, что бывали минуты, часы даже, может быть, дни, полные апатии, овладевшей им, как бы в противоположность прежнему *страху*, – апатии, похожей на болезненно-равнодушное состояние иных умирающих. Вообще же, в эти последние дни он и сам как бы старался своего положения от ясного и полного понимания своего положения; иные насущные факты, требовавшие немедленного разъяснения, особенно тяготили его; но как рад бы он был освободиться и *убежать* от иных забот, забвение которых *грозило*, впрочем, полную и неминуемую гибелью в его положении»; «На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков *боюсь!* – подумал он [Раскольников] с странною улыбкой. – Гм... да... всё в руках человека, и всё-то он мимо носу пронесит, единственно от одной *трусости*... это уж аксиома... Любопытно, чего люди больше *боятся?* Нового шага, нового собственного слова они всего больше *боятся*...» 'Страх' в «Преступлении и наказании» связан, прежде всего, с раскрытием образа Раскольникова: роман начинается с его страха – когда читатель узнаёт о замысле преступления, затем – в момент совершения убийства и, наконец, состояние Раскольникова после совершения преступления.

Интересными и важными для решения задачи определения идиоглоссного статуса лексем, входящих в семантическое поле 'страх', могут оказаться данные статистических словарей А. Я. Шайкевича, В. М. Андрющенко и Н. А. Ребецкой (см. [18; 19]), в которых фиксируется абсолютная и относительная, на 1 млн, частота словоупотреблений, а также статистические данные, представленные в СЯД. Приведём отдельные наблюдения:

– слово *страх* в корпусе текстов полного собрания сочинений Достоевского, за исключением черновиков и набросков, встречается 554 раза (в произведениях художественной прозы – 445 раз, в публицистике – 69 раз и в письмах – 40 раз); кроме того, мы находим 8 употреблений

слов *страх* в значении ‘очень, много’ (6 раз в произведениях художественной прозы и 2 раза в публицистике); в романе «Преступление и наказание» слово *страх* встречается 47 раз, что составляет примерно 11 % вообще всех его употреблений в художественной прозе;

– слова *страшно* и *страшный* также характеризуются повышенной частотой употребления: *страшно* в общей сложности употребляется 438 раз (256 раз в произведениях художественной прозы, 81 раз в публицистике и 101 раз в письмах), *страшный* – 708 раз (в произведениях художественной прозы 447 раз, в публицистике 181 раз, в письмах – 80 раз);

– относительная частота употребления слов *страх*, *страшно* и *страшный* в произведениях Достоевского обозначенного периода превышает среднюю, если среднюю величину вычислять по текстам Толстого, Тургенева, Гончарова, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Островского и Писемского; средний показатель употребления слова *страх* – 177 употреблений, в текстах Тургенева, по данным [19], – 140 раз, в текстах Достоевского – 221 раз, Островского – 111 раз, Толстого – 176 раз; средний показатель для слова *страшно* – 134 употребления, у Тургенева – 115 раз, у Достоевского – 137 раз, у Островского – 216 раз; средний показатель для слова *страшный* – 190 употреблений, у Тургенева – 149 раз, у Достоевского – 233 раза, у Островского – 130 раз;

– наиболее частотной, если принимать во внимание относительную частоту употребления, является лексема *испуг*, с другой стороны, частота употребления слова *ужас* сильно уступает Гончарову, а слова *бояться* – Островскому.

Представленный редуцированный анализ статистических данных косвенным образом отражает повышенную значимость репрезентантов единиц семантического поля ‘страх’ как в тексте романа «Преступление и наказание», так и в целом в тезаурусе Достоевского. Тем не менее, более важные параметры идиоглоссного статуса слова связаны не со статистикой, но с другими показателями, о чём речь пойдёт ниже.

Идеоглоссы *страх*, *страшно* и *страшный* в романе «Преступление и наказание» (фрагмент текстового семантического поля)

В этом разделе статьи делается попытка реконструировать фрагмент семантического поля ‘страх’, ядром которого являются его репрезентанты *страх*, *страшно* и *страшный* с использованием ресурсов СЯД и на основе заложенной в нём концепции многопараметрового описания идиоглосс. Для полного представления данного семантического поля требуется проведение аналогичного исследования функционирования в тексте романа «Преступление и наказание» идиоглосс *бояться*, *ужас*, *испугаться*, *испуг* и некоторых других.

Лексикографические параметры словарной статьи СЯД отражены не только в её корпусе, но и в зонах прилагаемого лингвистического комментария. Всё множество зон и субзон которого можно классифицировать по трём группам, соответствующим уровням организации языковой личности: грамматические единицы, синтаксические и семантические отношения (морфологические особенности слова, неразличение разных значений в одном употреблении слова, мотивационные отношения слов одного словообразовательного гнезда в одном предложении, сочетаемость слов); когнитивные элементы, непосредственно относящиеся к картине мира (афоризмы, пословицы, отсылки к прецедентным текстам, тропы, употребление слова в символическом значении и т. п.); наконец, прагматические характеристики соответствующей идиоглоссы (употребление слова в ироническом контексте, использование в языковой игре и др.). Вполне естественным представляется тот факт, что границы между зонами комментария весьма условны: это определяется взаимосвязью и взаимопроникновением уровней языковой личности (см.: [10]). Наиболее релевантными для определения состава семантического поля ‘страх’ являются следующие параметры комментария: подчинительные связи слова, гипотаксис

(СЧТ1), сочинительные связи слова, паратакис (СЧТ2) и зона ассоциативного окружения слова (АССЦ).

Обоснование такой категории, как текстовое ассоциативное поле, которое является коррелятом «традиционного» ассоциативного поля, было подробно дано Ю. Н. Карауловым, им же было указано на то, что обращение к тексту как к материалу для построения ассоциативного поля абсолютно оправданно. Поскольку текст – это реализация языковой готовности носителя языка, аналог материала, получаемого в ходе проведения ассоциативного эксперимента. Тем не менее, процедуры реконструкции поля в этих двух случаях, конечно, различаются, поскольку текст представляет собой сложное взаимодействие большого количества полей, единицы которых «перемешаны» между собой, и если в процессе эксперимента с носителями языка испытуемый сам спонтанно осуществляет отбор реакции, то текст такой возможности не даёт (см. [11; 12; 14]).

При реконструкции текстового ассоциативного поля отбор слов-реакций происходит по формальным правилам, учитывающим типы связей между стимулом (идиоглоссой-именем поля) и реакцией: синтагматические, антонимические, родо-видовые отношения между ЛСВ, входящими в одну лексико-семантическую группу, и т. д. Анализу подвергается узкий контекст употребления слова-стимула, в рамках которого рассматривается каждое слово, начиная с ближайшего к стимулу, и определяется наличие или отсутствие связи с ним. Другие типы связей, за исключением указанных, например, прагматические или фоновые, также можно выявлять указанным способом. Следующим шагом после определения состава текстового ассоциативного поля должно стать выявление его структуры, выделение ядра, центра и периферии. Ближе к центру ассоциативного поля находятся более частотные и значимые для характеристики поля реакции. Эти два параметра, частотность и семантическая значимость, неравнозначны: если мы имеем дело с ассоциативным

полем конкретной языковой личности, то индивидуальные слова-реакции могут обладать большей семантической значимостью, в то время как в ассоциативном поле коллективной языковой личности те же слова находятся на периферии как низкочастотные, либо таких ассоциаций вообще не существует (подробнее см. [11]).

Приведём некоторые наблюдения относительно состава семантического поля 'страх' в тексте романа «Преступление и наказание», сделанные исходя из того, что ядро поля (т. е. «слова-стимулы») представляют идеоглоссы *страх*, *страшный* и *страшно*. При этом мы снимаем многозначность данных лексем, часто приводящую к неразличению их значений.

СЧТ1 страх *давешний, какой-то особенный, панический* (2 употребления), [как бы] *панический*, [свой] *панический, прежний, свой, тупой, тупой бессмысленный, ужасный, невыносимый, неопределённый, чрезмерный*; **страхи** *напущенные, напускные*; **страх** *встречи; за себя; страх вселился [в сердце], выводил [из себя], обложил [душу], овладевал, охватил, охватывал, поразил, пройдёт; страха* *приливы, тягость; страху* *полчаса; не было; до страха* *беспокоить; от страха* (в искажённой русской речи) *пронзил [сердце]; от страха* *дрожать, креститься, мучиться; от страху* *убежать, чуть не дрожать; страх* *забыть, навести, почувствовать, заметить, производить; в страх* *впадать, перерождаться; страхом* *пронзить [сердце], пугать; под страхом* *быть; со страхом* *ждать, оглядываться, следить, смотреть, дрожать, забиться, смотреть, спросить; в страхе* *смотреть;*

Страшный (-ая,-ое,-ые) *беда, беспорядок, бессилие, боец, бремя, вещи, вещь, вопли, голос, духота, жара, идея, изнеможение, испуг* (4 употребления), *катастрофа, кашель, клоак, кровопроливцы, минута, муки, мучение, нетерпение, нотка, присутствие, пропасть, пустяки, рожи, слово, сон, тоска* (2 употребления), *тучи, фамильярность, холод, что-то, язва; разрешение крови ... страшнее, чем бы официаль-*

ное разрешение *кровь проливать*; **страшен** ход в игре; очень **страшен**;

страшно засаленный, нахмуренный, покрасневший, **страшно** опасно; **страшно** почти; **страшно** беспокоить, биться, поразить, тревожить.

СЧТ2 не от **страху** даже за себя, а от одного только ужаса и отвращения; смущение и **страх**; предрассудки, одни только **страхи**; неприятнейшее впечатление и даже **страх**; прочь миражи, прочь напускные **страхи**, прочь привидения; в бешенство или в ужасный, невыносимый **страх**; с глубоким удивлением и с тупым бессмысленным **страхом**; ни полоумного бреда, как давеча, ни панического **страху**; дрожа от сырости, от темноты и от **страха**, что её теперь больно за всё это прибьют; до **страха** и трепета; под вечным подозрением и **страхом**; обессиление и **страх**; плач и **страх**; не то что в **страхе**, а в каком-то диком недоумении;

пьяные и **страшные** рожи; **страшные**, отчаянные вопли с улиц; глубокий, **страшный** кашель; готовясь к **страшной** и неведомой катастрофе; **страшным**, хриплым, надрывающимся голосом; чьё-то близкое и тревожное присутствие, не то чтобы **страшное**, а как-то уж очень досаждающее; та **страшная**, та непроходимая пропасть; осуждён в жертву какой-то **страшной**, неслышанной и невиданной моровой язве;

страшно, до ужаса поразило.

АССЦ апатия, беспамятовство, бессилие, бледный, бояться, броситься, вдруг, вздрагивать, всё знать, всего ужаснее, встретиться, глаза, давить, дверь, движение, догадаться, дрожать, дрожь, Дуня, жест, жизнь, жить, задрожать, закричать, запор, испуганное личико, испугать (испужать), кабак, как лёд, колокольчик, колокольчик, Коля и Лёня, кричать, кровь, кружки, крюк, крючок, лихорадка, лицо искривилось, Лужин, мнительность, молчать, мучиться, мысль, мысль о Дуне и матери, не являться, невольно отступить назад, негодование, ненавидный, ненависть, нервы раздражаются, нет никаких преград, ноги дрожали, нож к горлу, обмо-

рок, обыск, овладевать, озноб, опустить руки и голову, отвращение, ощущать, по-дивиться, подлец человек, подозревать, покончить самоубийством, Полечка, поразить, Порфирий Петрович, приговор, припадок, припоминать, припоминаться, прислушиваться, происшествие, пугать, разбойник, раздражение, Раскольников, решение без перемены, решиться, робко взглянуть, руки дрожат, Свидригайлов, сердце билось, скорей, следить, слово, смех, смотреть, сойти с ума, сон, Соня, спокоен, спокойствие, спрятаться, старуха, стеснительно, стонать, сторожить, стоять перед судьёй и решителем участи своей, страдание, суд, судороги, теряться, тишина, убежать, убийство, ужас, ужасное, улица, умереть, хохот, чувство, чувствовать, шляпа.

Из перечисленных ассоциаций особый интерес вызывают **запор**, **кабак** (из сна Раскольникова, где сам сон, по сути, является символическим), **колокольчик**, **крюк**, **крючок**, **шляпа** и др., поскольку данные слова выполняют функцию слов-символов (в комментарии к словарной статье СЯД есть соответствующая зона, в которой фиксируются подобные случаи). «Выявляются эти символы вполне традиционным образом: регулярность появления одних и тех же элементов в типологически сходных ситуациях служит достаточно надёжным ориентиром» [5, с. 92]. Важнейшим свойством символа является возможность слов с конкретной семантикой в определённом контексте выражать абстрактные значения. Применительно к художественной картине мира Достоевского, многими исследователями его творчества в качестве одной из основных особенностей авторского стиля отмечался интерес писателя к различным символам. Символы могут занимать особое – центральное – место в картине мира автора художественного текста, и слова, употребляемые в символическом значении, следовательно, целесообразно рассматривать в качестве своеобразных ядерных элементов, организующих авторский тезаурус, совокупность иерархически организованных семантических полей.

Заключение

Семантическое поле 'страх' занимает одно из центральных мест в тезаурусе Достоевского, что находит отражение не только в произведениях художественной прозы, но и в публицистических текстах, а также в личных письмах. Мы полагаем, что именно страх или попытка его преодоления во многом определяет поступки многих персонажей Достоевского, прежде всего в романах «Записки из Мёртвого дома», «Преступление и наказание» и «Бесы». Писателя интересует страх в самых разных его проявлениях и стадиях: боязнь, испуг, ужас; безумная улыбка, смех, хохот; бегство и оцепенение; болезнь, раздвоение и безумие.

Страх сопровождал самого писателя всю жизнь: ранняя смерть матери; убийство отца; ожидание смертного приговора и его исполнения; в один год – смерть брата и первой жены, Марии Дмитриевны (часто цитируемая фраза из записных книжек – «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей» с последующими философскими размышлениями о Христе, семье и т. д. есть, на наш взгляд, прежде всего проявление страха Достоевского, его сомнения в бессмертии души); страх быть посаженным в долговую яму; страх проиграть; страх перед постоянно повторяющимися припадками, не подчиняющимися какой-либо временной

закономерности; страх показаться смешным (из «Записных тетрадей»: «Трагическое так же смешно, как и комическое. Боюсь смешного»), множество других страхов, в первую очередь – перед случайностью: «Случайного я пуще всего боюсь» (из письма А. Г. Достоевской). Ненависть ко всему закономерному, разумному и логическому и – страх перед случайностью и неопределённостью и заключёнными в этой неопределённости возможными мирами. Поле неопределённости, репрезентантами которого служат употребляемые с почти предельной частотой *как бы, как будто, вдруг* т. п., является определяющим в языковой картине мира Достоевского. Достоевский сам боялся своего страха перед неопределённостью, хотя сам создавал её, боялся банальности и пошлости, боялся показаться смешным.

В статье на материале текста романа «Преступление и наказание» была решена задача реконструкции фрагмента сематического поля 'страх', что косвенно отражает некоторые особенности авторской языковой личности. Перспективой исследования мы видим изучение точек пересечения поля 'страх' с другими центральными понятийными областями тезауруса Достоевского, прежде всего – с полями 'смех' и 'боль, страдание'.

Статья поступила в редакцию 15.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варзин А. В. Ещё раз о «жестоком таланте»: Изображение состояния страха и концепт 'страх' в произведениях Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 25. СПб.: Серебряный век, 2009. С. 203–226.
2. Варзин А. В. Ассоциативное поле 'страх – ужас – испуг' и различные типы страха в произведениях Ф. М. Достоевского // Русский язык в Центральном регионе России. Иваново, 2007. С. 26–33.
3. Гинзбург Е. Л. Идиоглосса: к вопросу о выразительности контекста // Слово Достоевского. 2000: сб. ст. / под ред. Ю. Н. Караулова, Е. Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 2001. С. 324–353.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990.
5. Карасёв Л. В. О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 90–111.
6. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 366 с.
7. Караулов Ю. Н. Языковая личность // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. С. 671–672.
8. Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo Ridens // Слово Достоевского / под ред. Ю. Н. Караулова, Е. Л. Гинзбурга. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 160–186.
9. Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2001. С. IX–LXIV.

10. Караулов Ю. Н., Ружицкий И. В. От словаря идиоглосс к словарю-тезаурусу // Язык: поиски, факты, гипотезы: сб. ст. к 100-летию Н. Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 654–668.
11. Конкина (Ахметшина) Н. Р., Ружицкий И. В. Зона ассоциаций комментария в словарной статье Словаря языка Достоевского как реконструкция текстового ассоциативного поля // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Межд. науч. конф., посв. юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, Екатеринбург, 28–30 сентября. Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2016. С. 119–129.
12. Конкина Н. Р. Текстовое ассоциативное поле пространственного предела (на материале «Словаря языка Достоевского») // Rhema. Рема. 2019. № 1. С. 20–35.
13. Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
14. Ружицкий И. В. Язык Ф. М. Достоевского: Идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: монография. М.: ЛЕКСПУС, 2015. 543 с.
15. Ружицкий И. В. Может ли писательский словарь стать методом? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 7. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2016. С. 466–476.
16. Ружицкий И. В. «Смех» Достоевского глазами лексикографа // STEPHANOS. 2017. № 6 (26). С. 37–48.
17. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. I (А–В), Т. II (Г–З), Т. III (И–М) / Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, М. М. Коробова, Е. А. Осокина, И. В. Ружицкий, Е. А. Цыб, С. Н. Шепелева / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008–2017.
18. Шайкевич А. Я., Андриющенко В. М., Ребецка Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.
19. Шайкевич А. Я., Андриющенко В. М., Ребецка Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870 гг. Т. 2. М.: ЯСК, 2016. 848 с.

REFERENCES

1. Varzin A. [Once again about the «cruel talent»: The representation of the state of fear and the concept of ‘fear’ in the works of Fyodor M. Dostoevsky]. In: *Dostoevskij i mirovaya kul'tura: al'manah* [Dostoevsky and world culture: an almanac]. St. Peterburg, Serebryanyj vek Publ., 2009, no. 25, pp. 203–226.
2. Varzin A. V. [The associative field ‘fear-horror-fright’ and the various types of fear in the works of Fyodor M. Dostoevsky]. In: *Russkij jazyk v Central'nom regione Rossii* [Russian in the Central Region of Russia]. Ivanovo, 2007, pp. 26–33.
3. Ginzburg E. L. [On the question of the expressiveness of the context]. In: *Slovo Dostoevskogo* [The Word of Dostoevsky]. Moscow, IRJa RAN Publ., 1996. 304 p.
4. Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990.
5. Karasyov L. V. [About Dostoevsky's symbols]. In: *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 1994, no. 10, pp. 90–111.
6. Karaulov Ju. N. *Lingvisticheskoe konstruirovanie i tezaurus literaturnogo jazyka* [Linguistic construction and literary language thesaurus]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 366 p.
7. Karaulov Yu. N. [Lingual identity]. In: *Russkij jazyk: Enciklopediya* [Russian language: Encyclopedia]. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ, 2008, pp. 671–672.
8. Karaulov Ju. N., Ginzburg E. L. [Homo Ridens]. In: *Slovo Dostoevskogo* [Dostoevsky's word]. Moscow, IRJa RAN Publ., 1996. P. 160–186.
9. Karaulov Ju. N., Ginzburg E. L. [Language and thought of Dostoevsky in the dictionary representation]. In: *Slovar' jazyka Dostoevskogo. Leksicheskij stroj idiolekta. Vyp. 1* [Dictionary of Dostoevsky's Language. Lexical structure of the idiolect. Issue one. Preface]. Moscow, Azbukovnik, 2001. pp. IX–LXIV.
10. Karaulov Yu. N., Ruzhickij I. V. [From the idioglossas dictionary to the thesaurus dictionary]. In: *Jazyk: poiski, fakty, gipotezy* [Language: searches, facts, hypotheses]. Moscow, IRJa RAN Publ., 2016, pp. 654–668.
11. Konkina (Ahmetshina) N. R. Ruzhickij I. V. [Association zone in the commentary of the dictionary entry of the Dostoevsky's language dictionary as a textual associative field reconstruction]. In: *Novaya Rossiya: tradicii i innovacii v jazyke i nauke o jazyke: materialy dokladov i soobshchenij mezhd. nauch. konf., posv. yubileyu Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, dokt. Filol. nauk, prof. L. G. Babenko. 28–30 sentyabrya* [New Russia: Traditions and innovations in language and language science: Materials and reports of the International scientific conference dedicated to the anniversary of the honored scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Prof. Lydmila G. Babenko. September 28–30]. Ekaterinburg. Moskva; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchyonyj Publ., 2016. pp. 119–129.

12. Konkina N. R. [Textual associative field of the spatial limit (based on the material of the Dostoevsky's language dictionary)]. In: *Rhema*, 2019, no. 1, pp. 20–35.
13. Ledenyova V. V. *Slovo Leskova* [Leskov's word]. Moscow, IJU MGOU Publ., 2015. 260 p.
14. Ruzhickij I. V. *Yazyk F. M. Dostoevskogo: Idioglossarij, tezaurus, ejdos* [Dostoevsky's language: Idioglossary, thesaurus, eidos]. Moscow, LEKSRUS Publ., 2015. 543 p.
15. Ruzhickij I. V. [Can a writer's dictionary become a method?]. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 7* [Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language. Issue 7]. Moscow, IRJa RAN Publ., 2016, pp. 466–476.
16. Ruzhickij I. V. [Dostoevsky's "laughter" through the eyes of a lexicographer]. In: *Stephanos*, 2017, no 6 (26), pp. 37–48.
17. *Slovar' jazyka Dostoevskogo: Idioglossarij. T. I (A–V), T. II (G–Z), T. III (I–M)* [Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary. V. I (A–B), V. II (Г–З), V. III (И–М)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 859 p.
18. Shajkevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebeckaya N. A. *Statisticheskij slovar' yazyka Dostoevskogo* [Statistical Dictionary of Dostoevsky's Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. 880 p.
19. Shajkevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebeckaya N. A. *Distributivno-statisticheskogo analiza yazyka russkoj prozy 1850–1870 gg. T. 2* [Distributional and statistical analysis of the Russian prose language of 1850–1870. Vol. 2]. Moscow, YASK Publ., 2016. 848 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ружицкий Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Московского государственного областного университета;
e-mail: konnitie@mail.ru

Ма Цзинян – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного областного университета;
e-mail: majingyang@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor V. Ruzhitsky – Dr. Sci. (Philology), Prof., Russian as a foreign language department of philological faculty, Lomonosov Moscow State University; Prof., Russian as a foreign language and methods of its teaching department, Moscow Region State University;
e-mail: konnitie@mail.ru

Tzinyan Ma – Postgraduate student, Russian language department, Moscow Region State University;
e-mail: majingyang@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ружицкий И. В., Ма Цзинян. Семантическое поле «страх» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 48–58.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-48-58

FOR CITATION

Ruzhitsky I. V., Ma Jinyan. Semantic Field "Fear" in the Novel "Crime and Punishment" by Fyodor Dostoevsky. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3. pp. 48–58.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-48-58